

КОРОЛЕВА
мистического
РОМАНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного
Беги, ведьма!
Ведьмин круг
Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Утопленница, или Третий ключ
Дом у Чертова озера
Вечность, или Пепел феникса
Невеста, или Волчья кровь
Ночь, или Слеза ангела
Гостья, или Печать василиска
Колдунья, или Проклятый дар
Призраки, или Музы дождливого парка
Ловушка, или Самая темная ночь
Дежавю, или Час перед рассветом
Паломница, или Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Избранница, или Судьба № 5
Найденыш, или Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Ева, или Паутина чужих желаний
Вранова погоня
Сердце ночи
Лабиринт Медузы
Темная вода
Снежить
Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака

ЦИКЛ «ТАЙНЫ СТАРОГО ПОМЕСТЬЯ»

Девушка с серебряной кровью
Приди в мои сны
Сердце зверя
Проклятое наследство
Змеевы дочери
Зов серебра

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

У
САДЬБА
ОЖИВШЕГО
МРАКА

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Дизайн обложки К. Гусарева

Редактор серии А. Самофалова

Корсакова, Татьяна.

К69 Усадьба ожившего мрака / Татьяна Корсакова. —
Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-159268-4

Они объединились, чтобы уничтожить упыря-экспериментатора Отто фон Клейста, обосновавшегося в старинной усадьбе Гремучий ручей. Их всего несколько человек, да еще жуткий трехголовый пес, порождение мрака и верный слуга девочки Танюшки. Она — потомок сверхлюдей, и потому вампир фон Клейст похитил ее. Этой маленькой фройляйн предназначена настолько ужасная миссия, что ни ее друзья, ни красавица-актриса и подпольщица Стелла, ни командир партизанского отряда Головин не пожалеют своих жизней, чтобы спасти Танюшку из плена фон Клейста. Но под силу ли людям бороться с не-человеком?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159268-4

© Корсакова Т., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Власу казалось, что он сходит с ума. Сосредоточиться никак не получалось. Сосредоточиться и принять творящееся вокруг как реальность, а не как страшный сон. Рядом, совсем близко, захлебывался собственной кровью Зверобой, а он не мог ни помочь, ни облегчить мучения. Он должен был остановить зло. Вот это рядящееся под рубаху-парня зло, которое смотрело на Власа с удивленной насмешливостью.

— Я сказал, не приближайся к ним!

Влас покрепче перехватил автомат, хоть и подозревал, что идти с автоматом против... этого — пустое дело. Или не пустое, а гиблое? Видел он и скорость, и ловкость, с которой орудовал Гриня. Это была нечеловеческая скорость и нечеловеческая же ловкость. Вот так-то...

— Стоять, — сказал Гриня ласково, но в то же время строго. Ему, Власу, сказал?

— Батя? — А это Митяй. Еле держится на ногах, но все равно держится, рвется к тому, кто больше не его... батя.

— И ты, парень, стой! — Не хотелось указывать на него вот так, автоматным стволом, но если по-другому никак, что ж остается? — Все стоим, не рыпаемся!

— Не рыпаемся, товарищ следователь. — Гриня улыбался, и в голосе его слышалась покладистость. Вот только останавливаться он не собирался. Медленно, шаг за шагом, Гриня приближался к Власу. Хорошо хоть, что не к пацанам. — Вот видишь, даже руки поднял.

Он их и в самом деле поднял, но двигаться не переставал. И смотрел не на Власа, а куда-то поверх его плеча. Как же хотелось обернуться! Аж между лопаток зачесалось. Но нельзя, его на такой детский трюк не возьмешь.

А Зверобой перестал хрипеть. Отмучился...

— Влас Петрович, что вы делаете? — А это Всеволод. Всеволод всегда казался Власу рассудительнее Митяя. До тех пор, пока не надумал сбежать из отряда, ограбив арсенал.

— Что я делаю?

А и правда, что он собирается делать? Или другой вопрос поважнее будет? Что собирается делать Гриня?

Отвечать не пришлось. Даже с мыслями собираться не пришлось. Влас шкурой почувствовал, что за его спиной кто-то есть. Вот на этого кого-то и смотрел Гриня, смотрел и улыбался. Обернуться? Может, если быстро, если рывком, так и получится?

Что получится, Влас и сам не знал. Знал он лишь одно, что вот прямо сейчас оказался между двух огней. И еще поди угадай, какой огонь страшнее.

За спиной зарокотало, а затылок опалило таким холодом, что онемела шея.

— Горыныч, — сказал Гриня все тем же одновремен-но строгим и ласковым тоном. — Не надо, сами разберемся.

Да, вот это правильное решение! Разбираться нужно самому. И как можно быстрее, потому что если за спиной у него сейчас стоит упырь, то все... каюк.

Влас развернулся с максимальной стремительностью, всем корпусом, наставляя автомат на неведомого врага.

Враг и в самом деле оказался неведомый. Неведомый и невиданный. Из темноты на Власа выступало черное чудище о трех головах. Две головы были псы, а третья... А третья болталась на шейных позвонках, клацала челюстями,

зыркала красным из черных провалов глазниц. Вот тебе и оборотень... мало было упырей...

Чудище тихо рыкнуло, хлестнуло узким, похожим на кнут хвостом, и тонкая березка переломилась пополам. Влас попятился, передернул затвор. Осознание того, что эту красноглазую тварь пулей не зашибить, было таким же четким, как и осознание того, что теперь-то ему точно каюк.

По плечу вдруг деликатно похлопали.

— Товарищ командир, — сказал Гриня ласково. Сначала сказал, а потом врезал кулаком в висок с такой силой, что и без того темный мир сделался невыносимо черным и схлопнулся под яростный рык красноглазой твари...

...Сколько длилось это похожее на смерть забвение, Влас не знал. Наверняка он знал лишь одно: он до сих пор жив, раз так сильно, почти невыносимо болит голова. Застонать бы, завывать на манер той красноглазой твари...

Воспоминания о твари окончательно привели Власа в чувство. Окружающий мир посветлел, но не сильно. Света хватило ровно на пяточок вокруг старой буржуйки. Вот на этом пяточке, прямо на земляном полу, Влас и валялся, связанный и обезоруженный. Он валялся, а Гриня сидел рядышком, наблюдал.

— Очнулся? — спросил все тем же обманчиво-вежливым тоном.

И как только понял? Влас, как очухался, не шелохнулся, не вздохнул, а темное нутро землянки изучал из-под почти сомкнутых век.

— Да знаю я, товарищ командир, что очнулся. Хватит Ваньку валять. Разговор у меня к тебе есть.

Разговор есть. Как любопытно и как неожиданно! Но раз он до сих пор жив, значит, и в самом деле есть разговор.

Влас открыл глаза, осмотрелся, теперь уже не таясь. Его приволокли в крошечную землянку, в которой и двоим-то не развернуться. Двоим не развернуться, а набилось в зем-

лянку четверо. Митяй лежал на единственном топчане с закрытыми глазами и в слабом свете свечи выглядел совсем больным. Рядом на табурете притулился Всеволод. Этот, кажется, дремал. Если не...

Влас уставился на Гриню.

— Все в порядке, — сказал тот шепотом, а потом вдруг добавил: — Я надеюсь.

— Чей схрон? — спросил Влас так же шепотом, хотя больше всего на свете ему хотелось спросить, куда подевалась трехглавая тварь.

— Мой. Еще с довоенных времен. Выйдем? Разговор есть.

Гриня встал сам и помог встать Власу, дернул за ворот куртки.

— Разговаривать так будем? — Влас обернулся на свои связанные за спиной руки.

— Там решим. — Гриня уже подталкивал его к выходу из землянки. — Пойдем, Влас Петрович, разговор у нас будет не для посторонних ушей.

На ребят он глянул с вполне себе человеческой тревогой. Да только Власа больше не проведешь.

Снаружи было темно, сыро и холодно. Кажется, наступила ночь. Влас огляделся, но в темноте толком ничего не разобрал. Хотя, сказать по правде, искал он только одно — красные огоньки, которые были у трехглавой твари вместо глаз.

Гриня прислонился спиной к стволу старого клена, закурил.

— Будешь? — Он протянул папиросу Власу.

— Буду. Развяжешь?

— Нет. Извини. — Гриня сунул папиросу ему в рот, чиркнул спичкой. Влас с наслаждением затянулся.

— Я думал, такие, как ты, не курят, — сказал, сжимая папиросу зубами.

— Какие — такие? — Гриня тоже затянулся и тоже, кажется, с наслаждением.

— Упыри.

Вот он и сказал то, что думал, то, что казалось еще более невероятным, чем трехглавый пес. Сказал и приготовился к смерти. Может, быстрой и легкой, а может, мучительной и медленной.

— Давно догадался? — Убивать Гриня его не спешил, зато разглядывал очень внимательно. Власу показалось, что в темноте его глаза тоже светятся. Как у кота в свете фар. Наверное, в самом деле показалось.

— Странности замечать стал еще в отряде, а окончательно все сложилось уже там... на полянке, когда ты своих же в капусту...

Захотелось сплюнуть себе под ноги, хоть как-то продемонстрировать свое отвращение, но Влас не стал, побоялся уронить папиросу, поэтому просто скривил губы в многозначительной ухмылке.

— Про своих это ты зря, Влас Петрович. Мои все там. — Гриня кивнул в сторону землянки. — А те, что на полянке, уже не люди... были.

— А ты, значит, человек?

— А я не знаю, товарищ командир. Может, уже и не человек.

Гриня глубоко затынулся, прикрыл глаза. Вот если бы прямо сейчас вот в этот самый момент боднуть его головой в живот... А дальше что? Видел он, с какой скоростью и с какой ловкостью двигается Гриня. И красноглазую тварь о трех головах тоже видел. Если уйдет от упыря, то не факт, что уйдет от твари.

— С парнями все в порядке? — Хотелось спросить о разном, а вот спросил о том, что было самым нормальным и самым привычным из всего происходящего.

— С Севой нормально, а Митяй... — Гриня открыл глаза. В глазах его была боль и не было упыриной черноты. Ногти, кстати, тоже были самые обыкновенные, лишь с черной каемкой грязи. Влас успел разглядеть эту каем-

ку в свете красного огонька папиросы. — Митяй потерял много крови.

— Как?

— Так! — сказал Гриня и скрежетнул зубами. Крепкими, белыми — не упыриными. Кажется.

— Его покусали?

Гриня кивнул.

— Ты?

— Охренел?! — К скрежету добавилась не злость даже, а ярость пополам с обидой. — Я его отец, и вообще я никогда...

— Никогда — что?

— Никогда — никого! Ну, пораскинь мозгами, похож я на тех, с полянки? Хочешь, зубы тебе свои покажу?

— Не надо.

А мозгами он уже давно раскинул. Что-то не укладывалось происходящее в голове.

— Ты видел, как Зверобоя порвали? — Гриня не спрашивал, Гриня знал, что видел, поэтому Влас даже отвечать не стал. — Ты видел, как они действуют? Как зверье. Голодное, безмозглое зверье.

— А ты не такой?

— А я не такой. Пацаны живы. Ты, Влас, жив. Вот и скажи, такой я или не такой?

— Из тебя больше десятка пуль Зосимович достал. И все удивлялся, как такое может быть! Это ты уже тогда, выходит?..

— Выходит, так.

— Это в Гремучем ручье, да? — Вот Влас и спросил то, что все время хотел спросить. — В усадьбе тебя таким... сделали?

— Почти. В лощине. Попался я... как кур в ошип, попался, товарищ командир. Прямо в лапы одному из них. Думал, все — конец мне. Думал, сдохну. Да что там — думал! Боженьку молил о смерти! Да только, похоже, отвернулся

боженька от таких, как я. Вот, видишь, до сих пор землю топчу.

— И что теперь? — Глупый вопрос, почти детский. — Как ты со всем этим... — И ведь слов правильных не подобрать.

— Что я жру, ты хотел спросить? — усмехнулся Гриня. — Не закусываю ли безвинными младенчиками?

Влас молчал. Что на такое сказать?

— В отряде твоём никто не пропал, не захворал?

— Нет. — Влас понимал, к чему клонит Гриня.

— И с... Лидой все хорошо?

— Насколько мне известно. Ладно, Гриня, рассказывай, как есть. Меня уже, кажется, ничем не удивить.

— Зайца сожрал, — сказал Гриня шепотом. — Когда совсем невольно стало, вот тогда и закусил безвинным.

— Зайцем закусил?

Кто бы мог подумать, что от этого вот дикого признания ему станет легче на душе! Заяц — это тебе не младенец.

Гриня в ответ молча пожал плечами. Папироса догорела, опалила кожу жаром. Влас разжал зубы, носком сапога загасил бычок.

— А потом сразу отпустило. Веришь, в глотку тебе вливаться мне совсем не хочется. Ни с голодухи, ни вообще.

Как ни странно, а Влас верил! Может, от безвыходности ситуации, а может, от дикости всего происходящего. С упыриной Грининой сутью они как-нибудь разберутся. Ведь сам Гриня до сих пор умудрялся разбираться. Сейчас нужно было спросить о другом.

— Кто это был? — спросил и многозначительно огляделся по сторонам. — Тот самый оборотень, про которого рассказывал Зверобой?..

— Можно и так сказать. — Гриня усмехнулся. — Это Горыныч. Ну, мы его так зовём.

— Мы?.. — Час от часу не легче! У красноглазой твари, оказывается, есть кличка. И это «мы»...

— Я и ребята. Сева, Митяй и Соня.

— Они тоже его, того... знают?

— Ну как знают? Горыныча по-настоящему, думаю, даже мама родная не знает, но встречаться с ним ребятам доводилось. Да ты не переживай, Влас Петрович, если он тебе тогда башку не откусил, так и сейчас не тронет.

— Почему?

Снова захотелось курить, аж засвербело внутри.

— На! — Гриня сунул ему в зубы папиросу. Словно мысли его прочел. Или в самом деле прочел? — Да не смотри ты на меня так. Это ж очевидные вещи, для этого не нужно быть упырем.

Возле самого лица вспыхнула спичка, отражаясь двумя красными огоньками в Грининых глазах. А потом Гриня тоже закурил. И сказал, глубоко затянувшись:

— Мало в жизни нынче осталось удовольствий. Есть могу, пить могу, а вот чтобы любить это дело, как раньше, — нет такого. Из прошлого чувствую вкус курева и вина. Даже самогон не в радость. Представляешь?

Влас представлял. Он бы даже посочувствовал. При других обстоятельствах. Но сейчас ему было не до гастрономических страданий Грини.

— Почему зверь меня не тронет? — повторил он свой вопрос.

— Потому что ты со мной. Считаю, под моей защитой.

Под защитой упыря! Под защитой упыря от трехглавой твари. В страшном сне такое не приснится.

— Я гляжу, ты быстро свыкся со всем этим...

Гриня взмахнул рукой с зажатой в ней папиросой.

— Выбора другого нет.

А ведь и правда. Какой у него оставался выбор? После всего увиденного и не в такое поверишь.

— И как тебе информация? — Гриня смотрел Власу в глаза. Нормальным человеческим взглядом смотрел, но волосы на загривке все равно зашевелились.

— В штаб о таком не доложишь, — сказал Влас задумчиво.

— Вот и я так думаю. В штаб не доложишь, но делать что-то все равно нужно.

— С чем делать? Откуда все эти... люди?

— Из Видова. Добрая половина на той поляне — мои односельчане. Из тех, кто от карателей ушел. От карателей ушли, а от упыря, выходит, не смогли.

— От какого упыря? — Вот и проснулся в нем следователь. Давненько не высывался. — Есть какой-то конкретный упырь, от которого они становятся вот такими?

— Думал, больше не осталось. Выходит, ошибался.

— Так, Гриня, не темни! Рассказывай!

А в том ли он положении, чтобы требовать у упыря, твари смертельно опасной, разъяснений? Но ему ведь в самом деле нужно знать.

— А давай мы с тобой, Влас Петрович, заключим сделку. Так сказать, джентльменское соглашение. — Гриня улыбнулся. Вот только улыбка у него получилась невеселая. — У меня в этом деле свой шкурный интерес имеется, но и у тебя, я же вижу, тоже осталось какое-то дельце в Гремучем ручье. Пока не понял, чего тебя туда так тянет, но про усадьбу я знаю побольше твоего. Глядишь, помогу.

— А взамен что? — Предложение, если разобраться, было дельное. Если отбросить в сторону тот факт, что Гриня никакой не джентльмен, а самый настоящий упырь, который не так давно сожрал зайца.

— А взамен ты нам поможешь. Мне и пацанам. С Митяем нужно что-то делать, а я пока не знаю что. К врачу ему нужно. До Зосимовича далеко, значит, придется тащить в город. А в городе, я так понимаю, знакомцы у тебя всякие водятся. Доктор точно должен иметься.

Доктор у Власа имелся. Старый, еще старше Зосимовича. Старше и осторожнее. Обращаться к нему можно было

лишь в самом крайнем случае. Наступил ли этот крайний случай? Влас думалось, что наступил.

— Ну? — Гриня хмурился.

— Как будем до города добираться?

— Мои заботы. Что решил, товарищ командир? Принимаешь ты мои условия?

Выбора у него особого не было, да и желания тоже. Гриня хоть и упырь, но ведет себя пока вполне нормально. На вот этом «пока» Влас решил не заикливаться.

— Принимаю, — сказал и выплюнул догоревшую папиросу.

— Как приятно не разочаровываться в людях! — Гриня вытащил нож. Влас отступил на шаг. — Да не переживай, товарищ командир, руки тебе хочу развязать.

Гриня обошел его со спины, проверил крепость пут, а потом прямо на ухо шепнул:

— Еще одно условие.

Влас ничего не ответил. Он боролся с желанием обернуться. А еще боролся со страхом, что обернется, а позади себя увидит уже не того Гриню, с которым всего пару мгновений назад заключил джентльменское соглашение. Вместо этого Влас закрыл глаза и последнее условие Грини слушал вот так, зажмурившись.

— Они не знают, — сказал Гриня шепотом. — Пацаны мои не знают, что я вот такой.

В голосе его послышалась такая боль, что Влас открыл глаза и обернулся. Он обернулся, но Грини позади себя не увидел. И веревка на запястьях уже была перерезана.

— Вот пусть так и остается. — Теперь голос Грини доносился из темноты справа от Власа. — Пока я не решу, что мне со всем этим делать.

— Или пока не вопьешься в глотку одному из них, — сказал Влас шепотом. Зря, наверное, сказал. Нельзя вот так с упырями. Но Гриня не обиделся и не разозлился.

— Есть такой риск, — сказал он с горечью. — Вот на этот случай ты и пригодишься, Влас Петрович. Если вдруг я начну того... сходить с ума, ты меня убьешь. Только тебе одному я могу доверить такое важное дело.

Гриня выступил из темноты, белозубо улыбнулся. Власу потребовалась вся сила воли, чтобы не отступить ни на шаг.

— Сейчас проведу курс молодого бойца, и будем выдвигаться. Перемещаться нам лучше по темноте.

— Что за курс молодого бойца? — Влас потер занемевшие от веревок запястья.

— По убийству упырей. Пацаны мои уже знают, тебе тоже будет полезно. Убить их... — он запнулся, а потом решительно сам себя поправил: — Убить нас можно несколькими способами. Осиновый кол в сердце — первый вариант, так сказать, классический. Ну и башку снести — второй вариант. Вот эти два наверняка, все остальное, подозреваю, остановит, но не убьет. В голову мне не стреляли, поэтому достоверно не скажу, ну а остальные мои раны ты видел.

Влас видел, специально присматривался, когда они сушились у костра. На Грининых повязках не было даже следа крови. Влас подозревал, что и ран больше никаких не было.

— Ну что, по рукам? — спросил Гриня и руку протянул.

Это было испытание. Или, возможно, последнее третье условие. Глядя в насмешливые Гринины глаза, Влас крепко пожал его руку. Рука оказалась крепкой, ни холодной, ни горячей, вполне себе нормальной.

— У меня тоже будет условие, — сказал он, не разжимая пальцев, не отводя взгляда. — Ты расскажешь мне, что случилось в Гремучем ручье. Про всю эту чертовщину расскажешь.

— Расскажу, — легко согласился Гриня и так же легко высвободил из захвата свою ладонь. А захват у Власа был крепкий. Он и сам был крепкий, хоть и невысокий. Как говорится, мал да удал. Не сработала удаль с упырем. Упырь оказался удалее...

— А этот... — Влас оглянулся.

— Горыныч? — Гриня оборачиваться не стал. — Гуляет где-то, наверное. Власть у меня над ним нет, так... маленькое влияние имеется. Не переживай, товарищ командир, как объявится, я вас первым делом друг другу представлю. Познакомлю тебя сразу с тремя его головами, — сказал и невесело хохотнул.

Это был риск. Можно сказать, это был огромный риск, но чуйка, которая никогда Григория не подводила, нашептывала, что Власу Головину можно доверить даже такую тайну. Да и выбора у него другого нет. Он ведь не соврал, когда сказал, что нуждается в помощи.

Митяя до схрона донес Горыныч, а Григорий с Севой на себе тащили бесчувственного Власа. Сева попытался было узнать, за что Григорий так с товарищем командиром, но Григорий от его расспросов отмахнулся. Да и парню, видно, было не до того. От пережитого все они еще никак не могли прийти в себя.

В землянке Григорий быстро осмотрел Митяя, пощупал полыхающий жаром лоб, изучил рану на шее. Его собственных знаний хватило лишь на то, чтобы понять, что без медицинской помощи парень долго не протянет, умрет или от кровопотери, или от инфекции. Мелькнула шальная мысль дать Митяю умереть, чтобы потом тот восстал вот таким неутомимым и неубиваемым. Но мысль эту Григорий тут же отбросил. Во-первых, не желал он единственному сыну такой не-жизни, а во-вторых, в случае с Митяем смерть могла оказаться самым обыкновенным концом, а никаким не переходом в иное бытие. Значит, придется спасать. А перед этим договариваться с Власом.

Договорились! Не ошибся он в товарище командире. Не то чтобы доверился Головину сразу и всем сердцем, но точно

знал, что если Влас и решится всадить ему в грудь осино-
вый кол, то сделает это спереди, а не со спины. Пока и этого
факта хватало для того, чтобы записать Власа в союзники,
а не в противники.

Собирались быстро. Да и нечего им было особо соби-
рать! Разве только наспех побросали еду в вещмешки. Се-
ву Григорий разбудил прямо перед выходом. Сам усypил,
сам и будил. Сева вскинулся, завертел башкой, увидел не-
подвижного Митяя, бросился к нему. Подружились пацаны.

— Живой, — сказал Григорий устало. И едва не доба-
вил: «Пока живой».

— Дядя Гриша, ему нужно к врачу. — Сева тоже пер-
вым делом потрогал Митяев лоб.

— Знаю. Вот товарищ командир обещал нас к врачу от-
вести.

На Власа Сева уставился одновременно с удивлением
и облегчением.

— Про упырей он знает, — сказал Григорий. — А с Го-
рынычем мы его потом как-нибудь познакомим.

По потемневшему лицу Власа было ясно, что знакомить-
ся с Горынычем ему не хочется. А вот Сева, наоборот, об-
радовался. Сева тоже понимал, что Влас хороший союзник.

Снаружи Горыныча не оказалось, носился где-то по сво-
им собачьим делам. Пришлось мастерить носилки из оси-
новых стволов и старого одеяла. Несли по очереди: то Се-
ва с Григорием, то Влас с Григорием. Пока несли, Митяй
ни разу не приходил в себя, но Григорий отчетливо слышал
быстрое биение его сердца. Слишком быстрое, но тут уже
ничего не поделать.

Горыныч нагнал их на рассвете, вынырнул из зарослей
орешника. Горыныч вынырнул, а Влас отшатнулся, вскинул
автомат.

— Тихо! Тихо, товарищ командир! Свои! — сказал Гри-
горий успокаивающе и аккуратно поставил носилки с Митя-
ем на землю. Мало ли, вдруг руки сейчас могут понадобить-

ся. И даже непонятно, кого от кого придется защищать. — Горыныч, это свой.

Горыныч оскалился двумя головами, замер в нескольких метрах от Власа. Влас опустил автомат. Кремень-мужик! Сам бы Григорий, окажись на его месте, сразу бы начал палить. А этот ничего, держится.

Горыныч не стал обращать внимание на Власа, по-кошачьи крадущейся походкой подошел к носилкам, склонился над Митяем. Влас снова дернулся, Григорий преждевременно схватил его за рукав.

— Не мешай, — сказал шепотом.

Горыныч лег рядом с Митяем, положил одну из голов ему на грудь. Теперь уже дернулся и сам Григорий. Не потому, что испугался, что пес причинит его сыну вред, а потому, что башка Горыныча весила немало, а сил у Митяя осталось в обрез, он и без этой тяжести на груди дышал еле-еле. Но обошлось. Горыныч голову тут же поднял, словно просто выслушивал сердцебиение. Поднял, вопросительно глянул на Григория. Тот едва заметно кивнул. Рядом с шумом вздохнул Влас. А Горыныч уже высунул длинный черный язык и языком этим принялся вылизывать Митяево лицо. Вылизывал долго и старательно, а когда закончил, в дело вступила Костяная башка — зависла над Митяем на этих своих позвонках, клацнула челюстями, застыла. Что там между ними происходило, Григорий не знал, но мог догадываться. Горыныч помогал его сыну продержаться. Точно так же он неделю назад помогал и самому Григорию.

— Что он делает? — спросил Влас и потянулся за папиросами.

— Что-то делает. — Григорий протянул руку, и Влас положил в нее полупустую пачку.

Когда папироса догорела, Горыныч отошел от носилок, а Митяй пришел в себя. Он сел, осмотрелся. Вид у него был

ужасный, не лучше, чем у упыря, но все же Митяй оставался человеком. Григорий был в этом совершенно уверен.

— Батя? — позвал Митяй и попытался встать.

— Я тут! — Григорий загасил папиросу, шагнул к Митяю, поддержал за плечи.

— Что это? Что со мной было?

— Отключился.

С другой стороны к Митяю уже спешил Сева. Влас не двигался с места, смотрел больше на пса, чем на Митяю. Ну да Григорию было не до Власа.

— Как себя чувствуешь? — спросил Сева, подныривая под безвольно болтающуюся Митяеву руку, помогая устоять на ногах.

— Нормально. — Тот попытался отстраниться. — Да что ты меня обнимаешь, как бабу?

— Смирно стой, — велел Григорий. — Никто тебя не обнимает.

Он по-прежнему чувствовал лихорадочное биение Митяева сердца, но жара уже не было. Интересно, надолго ли?

— А где?.. — Митяй снова принялся вертеть головой.

— Конец им, — ответил за Григория Сева.

— Это хорошо. — Митяй криво усмехнулся. — А то я думал, что это нам конец.

— Будет и нам конец, если не поспешим, — подал голос Влас. — Сам идти сможешь?

— Куда?

Влас задумался, наверное, прикидывал, сколько им нужно идти.

— Напрямую не попремся. На дороге наверняка будут патрули. Придется сделать крюк километра в три, но так безопаснее. Тимофей Иванович живет на окраине, через весь город идти не придется.

— Тимофей Иванович? — Митяй вопросительно посмотрел на Григория.

— Врач это, — сказал Григорий. — Тебе нужно к врачу, сынок.

— Не нужен мне никакой врач! — Митяй попытался высвободиться, пошатнулся и затих. Характер есть, а сил, чтобы характер проявить, пока нет.

— Пока сможем тебя нести, понесем, — сказал Григорий таким тоном, что спорить никто не стал. Даже Митяй. — Я не знаю, надолго ли тебя хватит. А в город с носилками не сунешься, значит, там придется уже на своих ногах. Выдержишь?

— И не такое выдерживал. А где Горыныч?

А Горыныч словно только того и ждал — к Митяю сунулась Костяная башка, приветственно клацнула зубами. Григорий скорее почувствовал, чем увидел, как напрягся Влас. А Митяй погладил Костяную башку по черепушке, спросил:

— Это ж ты меня сейчас, да? Как тогда батю?

Костяная башка в ответ снова клацнула челюстями. Тяжело вздохнул, почти застонал Влас.

— С тобой, трехголовый, тоже надо бы что-то сделать, — сказал Григорий задумчиво. — Куда тебе, такому красивому, в город?

— Это он легко, — усмехнулся Митяй и заговорщицки глянул на Севу. Тот кивнул. — Горыныч, а проверни-ка еще раз тот трюк!

Митяй едва стоял на ногах, был белым, что полотно, но во взгляде его читался детский восторг.

— Что еще за трюк? — только и успел спросить Григорий.

Спросить-то успел, а вот разглядеть сам трюк не вышло. Только что стояла посреди полянки трехглавая монстра — и вот уже вместо одного трехглавого два одноглавых пса. Нет, не два — три! Просто третий, с костяной башкой, едва различим и больше похож на призрака. Надо признать, очень страшного призрака. На память сразу

пришла собака Баскервиль из любимой книги про Шерлока Холмса. Да, увидел бы Шерлок такую собачку, что бы сказал?

Шерлок ничего не сказал, сказал Влас.

— Да чтоб меня! — Вот, что он сказал и, кажется, едва не перекрестился.

— Разделяю твоё изумление, Влас Петрович, — согласился Григорий. — Трюк и в самом деле удивительный.

Он критическим взглядом осмотрел двух Горынычей. Конечно, на дворовых псов они никак не походили, но у каждого из них было хотя бы по одной голове. А что глазюки горят красным и хвосты что кнуты... Ну, такие вот особенности породы! А Костяную башку и вовсе можно не заметить. Что-то подсказывало Григорию, что именно Костяную башку следует отправлять в разведку.

Так они и сделали, когда вышли к городской окраине. Окраина эта ничем не напоминала город. Те же деревянные домишки, та же непролазная грязь, что и везде по весне. Но там, за домишками, виднелись и двухэтажные кирпичные дома, а ещё дальше и несколько пятиэтажных. Город хоть и был провинциальный, но не захолустный.

— Костяная башка, ты вперед! — велел Григорий. — Дай нам знать, если что. А вы, — он глянул на двух Горынычей, — держитесь, наверное, поблизости.

Носилки бросили ещё на опушке леса, и теперь Митяй шел своими собственными ногами. Григорий с Севой поддерживали его с двух сторон, чтобы не упал. Чувствовалось, что сил у Митяя осталось совсем мало. И жар возвращался.

— Далеко ещё? — Григорий обернулся к Власу.

— Вон его дом! — Влас указал на стоящий на отшибе домик. Сейчас главное — до него добраться.

Это было не самое простое задание, потому что весеннее солнце уже светило вовсю, жгло лоб словно каленым железом. Григорий впервые пожалел, что не носит шапки. Сей-

час бы шапка ох как пригодилась. И морду бы чем-нибудь прикрыть.

На морду он натянул шарф. Почти до самых глаз. Взял волосы, закрывая изрядно отросшими кудрями лоб. Свободную руку спрятал в карман. Полегчало. Похоже, солнце его не испепелит, все это сказочки и враки! Но вот на пляже ему отныне не валяться.

Откуда ни возьмись объявился Костяная башка. Вот прямо из воздуха, если уж начистоту.

— Ну? — спросил Григорий. — Тихо все?

Костяная башка слабо вильнул костяным хвостом, снова исчез.

К дому доктора шли с максимальной скоростью, Митяя тащили почти волоком. Со стороны они, наверное, походили на компанию загулявших пьянчуг.

Запертую калитку Григорий открыл под многозначительным взглядом Власа. Открыл без особых проблем, втолкнул внутрь Митяя, сунулся сам. Двор охраняла лохматая дворняга. Должна была охранять, но сейчас она молча лежала, распластавшись на земле, у лап одного из Горынычей. Вот и хорошо, лишний шум им ни к чему.

Дальше действовал Влас, крадущейся походкой подошел к крыльцу, постучал в окошко условным стуком. Какое-то время — Григорию показалось, что целую вечность, — ничего не происходило, а потом по-стариковски сухая рука отдернула занавеску, в окне показалось сморщенное, похожее на печеное яблоко лицо.

— Кто там? — сварливо спросил скрипучий голос.

— Свои, Тимофей Иванович, — сказал Влас и встал так, чтобы старик мог его разглядеть.

Разглядывали Власа долго, снова целую вечность, а потом занавеска вернулась на прежнее место, и потянулись минуты ожидания.

— Что-то он не спешит, — сказал Григорий зло.

— Возраст. — Влас пожал плечами. — Сейчас откроет.

Словно в подтверждение его слов из-за двери послышались шаркающие шаги, и дверь с неожиданной силой распахнулась.

— Что ж вы такое творите, Влас Петрович? — послышался из полумрака сеней все тот же сварливый голос. — Фрицы кругом, а вы среди бела дня!

— Обстоятельства, Тимофей Иванович, — сказал Влас, как показалось Григорию, смущенно. — Мы войдем?

— Да заходите вы уже быстрее! Одного не могу понять, почему Жучка молчит? Она ж чужих непременно облаивает.

— Так мы свои, — сказал Григорий, втаскивая в сени Митяя. Следом задвинулся Сева. Влас вошел последним и тут же запер дверь на засов.

— Идите в комнату! — велел старик. Его скрюченный силуэт уже виднелся в дверном проеме. — Раненого кладите на диван. Я сейчас приду, только вымою руки.

Вдвоем с Севой они уложили окончательно обессиленного Митяя на обшарпанный кожаный диван и остались стоять над ним истуканами.

Старик вернулся на удивление быстро, в руках у него был потертый медицинский чемоданчик. Сам же он чем-то неуловимо напоминал Зосимовича, хоть и был лет на двадцать старше.

— Ну-с, давайте посмотрим, что у нас тут, — сказал он, закатывая рукава некогда белой, а сейчас пожелтевшей от частых стирок сорочки. Глядя на эту сорочку, Григорий как-то сразу понял, что живет Тимофей Иванович один, без женщины. Ни одна уважающая себя хозяйка не допустила бы такого безобразия. Вот его Зося все белое сначала кипятила, а потом еще и крахмалила. В сердце кольнуло. Как давно он не вспоминал свою Зосю? Давно... Но сейчас воспоминание это было светлым, не пугающим. И перед внутренним взором Зося встала той, какую он привык видеть и хотел помнить, — веселой, рыжеволосой, зеленоглазой.

А старик уселся на придвинутый Власом табурет, на соседний поставил свой уже раскрытый чемоданчик. Лицо его выражало теперь не неудовольствие, а озабоченность.

— Разденьте его, — сказал он, прилаживая на переносицу очки. Одно из стекол было разбито, дужка замотана пластырем. — Ну, давайте живее, господа!

— Господа, — хмыкнул Сева, но под строгим взглядом Григория тут же залился смущенным румянцем.

Митяя Григорий раздел сам. Раздел, отступил в сторонку, вперил взгляд в старика. Тот, вопреки своей прежней неспешности, сейчас действовал быстро и ловко. На весь осмотр ушло совсем немного времени.

— С лихорадкой понятно... — бубнил он себе под нос, — лихорадка из-за пневмонии. Но, господа, имеет место серьезнейшая кровопотеря. Откуда?

Он снизу вверх посмотрел сначала на Власа, потом на Григория.

— Мы не знаем, Тимофей Иванович, — быстро сказал Влас. — Отбили парня у немцев уже вот таким.

Это был правильный ответ, и за этот ответ Григорий был Власу безмерно благодарен. А старик уже внимательно разглядывал запястье Митяя. То самое, со следами...

— Странная рана, — снова бубнил он себе под нос. — Странная, но ведь не смертельная? А других я не вижу. И внутреннее кровотечение я могу исключить с высокой долей вероятности. Не понимаю! — Он отпустил руку Митяя, и та безвольно повисла.

— Доктор, что-нибудь можно сделать? — спросил Григорий и не узнал собственный голос.

— Все, что от меня зависит, но меня изрядно смущает эта казуистика. Сделать бы сейчас общий анализ крови... Эх, нет у меня доступа к лаборатории!

— Тимофей Иванович, надо парня спасать, — сказал Влас очень тихо и очень твердо. — Если мы хоть чем-то можем вам помочь...

— Можете. — Старик со стоном встал с табурета. Даже стоя он был ниже Григория на две головы. — Но мне нужно знать его группу крови...

— Четвертая! — сказал, почти выкрикнул Григорий. — Четвертая, я точно знаю. У него в детстве был фимозный аппендицит...

— Флегмонозный, — поправил доктор ворчливо. — Флегмонозный аппендицит.

Григорию это казалось незначительным, но спорить он не стал.

— Как скажете, доктор. Но про четвертую группу я точно знаю.

— Универсальный реципиент, — старик удовлетворенно кивнул. — Это хорошо. А вы родственник?

— Отец.

— И какая у вас, сударь, группа крови?

— Я не знаю...

На самом деле он знал, четвертая, резус положительный. Как и у Митяя, но разве можно переливать сыну такую кровь?..

— У меня первая, — выступил вперед Влас. — Тимофей Иванович, помните, когда Степана Липского ранили, вы ему мою кровь переливали? Вы меня тогда тоже называли универсальным...

— Донором. Вы, Влас Петрович, универсальный донор. И, наверное, можно утверждать, что молодому человеку повезло.

— Он у меня фартовый, — сказал Григорий шепотом.

— Ну, о фартовости его мы будем судить после инфузии, — проворчал старик. — А теперь работаем, господа! Мне потребуется помощь!

И как-то все завертелось-закрутилось. Они только и успевали выполнять распоряжения Тимофея Ивановича. А когда началось само... переливание, Григорий вышел из дома. Нет, ему не хотелось крови. И желания впиться в чью-

нибудь глотку у него тоже не было. Но показалось, что так будет правильнее и надежнее. От греха подальше, от этого острого, с металлическими нотками кровавого духа.

Снаружи его ждали оба Горыныча. Костяная башка, видно, где-то шлялся. Лохматая докторская собачонка забилась в будку и не казалась носа. Григорий пошарил по карманам, нашел папиросы, закурил.

— Вот такие дела, — сказал он одному из Горынычей. И тот, кажется, кивнул в ответ. — Как жить-то нам теперь?

Горыныч лег у его ног, положил голову на черные, как ночь, лапы, закрыл глаза.

— Как думаешь, если фон Клейст жив, то, может, и Танюшка тоже?

Горыныч открыл глаза, посмотрел очень внимательным, испытующим взглядом.

— Я обещал помочь тебе ее отыскать. Помню. — Григорий глубоко затанулся. — Я все для этого сделаю, если придется, костями лягу. Дай мне только Митяя вытащить. Перед ним у меня тоже должок. Понимаешь?

Горыныч вздохнул и вдруг положил голову Григорию на колени. От Горыныча шел холод. Если бы Григорий был очень впечатлительным, то сказал бы — могильный холод, а так лишь поежился и поднял воротник. Второй Горыныч тоже улегся рядом, обвил длинным змеиным хвостом щиколотки Григория, тихо рыкнул. Григорий и его погладил по голове. Для полной пасторали недоставало лишь Костяной башки. Но этот всегда был сам по себе. Такой вот свободолюбивый.

— Вы только деду на глаза не кажитесь, — сказал Григорий шепотом. — Вообще никому не кажитесь. Издалека вы, может, за собак и сойдете, но только издалека.

Оба Горыныча синхронно вздохнули. Папиросу Григорий докуривал в молчании. А потом еще долго сидел на крыльце, не решаясь войти в дом, где, как он был уверен, все еще пахло кровью. Он уже думал, не заглянуть ли для начала

в окошко, когда позади скрипнула дверь. Нет, сначала он услышал тихие шаги и по шагам этим безошибочно признал Власа, а потом уже скрипнула дверь.

— Есть закурить?

Влас с опаской покосился на Горынычей, тяжело опустился рядом, посмотрел вопросительно. Левую руку он держал согнутой в локте. И пахло от него... Ну, кровью и пахло.

— Что там? — спросил Григорий, протягивая Власу папиросу.

— Перелили. — Влас закурил, и ядреный табачный дух перебил запах крови. — Уж не знаю, сколько Тимофей Иванович из меня выкачал, но чувствую я себя сейчас прескверно. Как он продержался, а?

— Не знаю. — Григорий пожал плечами. — Крепкий он у меня, крепкий и настырный.

— Ну, что настырный, это я заметил. — Влас усмехнулся. — Сам-то как?

— Нормально.

— А поконкретнее?

— Поконкретнее? Ну, в глотку тебе впиться мне все еще не хочется.

— Хорошо. — Влас вздохнул с явным облегчением.

— Спасибо тебе, Влас Петрович. — Не думал Григорий, что когда-нибудь доведется ему благодарить товарища Головина, а вот довелось.

— Да не за что, — отмахнулся тот.

— Ты ему жизнь спас.

— Хорошо, если спас. Ты, Гриня, не радуйся раньше времени. Тимофей Иванович мужик мировой и врач от бога, но тут многое будет и от твоего Митяя зависеть.

— Если только от Митяя, то я спокоен, — усмехнулся Григорий. — Но перед тобой у меня все равно должок.

— Должок, — сказал Влас очень серьезно. — И стрелять его с тебя я не премину.

— Стребуешь. — Григорий загасил папиросу, встал. — Только дай на сына сначала посмотрю. Ты со мной или с собачками посидишь?

— С тобой. — Влас тоже встал. — Не привык я еще к этим твоим... собачкам.

Горынычи тихо заворчали — снова синхронно, но не зло.

— Они к тебе пока тоже не привыкли, но что уж теперь?

Григорий толкнул дверь, пропустил Власа вперед, вошел следом.

Вопреки опасениям, в комнате больше пахло самогоном, который доктор использовал вместо спирта, чем кровью. В стоящем на табурете железном лотке лежал шприц и еще какие-то незнакомые Григорию инструменты. Митяй лежал на диване с закрытыми глазами. Кожа его по-прежнему была бледна, но сердце билось уже ровнее и спокойнее.

— Ну, готово дело, — сказал Тимофей Иванович, вытирая руки полотенцем. — Переливание мы ему сделали, лекарство укололи. Остается следить за реакцией организма и ждать.

— Спасибо, доктор! — сказал Григорий прочувствованно.

— Одним «спасибом» не отделаетесь, молодой человек. — Усталым жестом старик снял очки. — И от вас потребуется помощь. Надеюсь, вы поможете и своему сыну, и моим будущим пациентам. Необходимых лекарств у меня осталось на сутки, а дальше все... Нечем лечить.

— Добуду, — сказал Григорий, не раздумывая. — Вы только скажите где.

— Вот в том-то и проблема. Раньше я все необходимое покупал у одного... спекулянта, но он пропал из города.

— А где брал лекарства спекулянт? — спросил Григорий нетерпеливо.

— Полагаю, в городской больнице. — Тимофей Иванович покачал головой, поправил сам себя: — Когда-то го-

родской, а сейчас немецкой. Выхода у меня на эту больницу никакого нет. С момента оккупации я побывал там лишь однажды. Так сказать, по приглашению.

— По приглашению? — удивился Григорий.

Григорий удивился, но и сам доктор, казалось, удивился еще сильнее. Он замер перед столом. Его рука, сжимающая очки, зависла в нескольких сантиметрах над старой плюшевой скатертью, словно бы Тимофей Иванович хотел положить очки на стол, но в самый последний момент передумал.

— Что вы сказали, молодой человек? — спросил он и свободной рукой потер подслеповатые, слезящиеся глаза.

— Это вы сказали, Тимофей Иванович, что посещали больницу по приглашению.

— Оговорился. — Старик покачал головой и положил таки очки на стол. — Работал я там. Еще до пенсии. А когда началась оккупация, приходил сам к этому их новому начальству Рихарду Штольцу.

— Зачем? — Кажется, пришло время Власу удивляться.

— С просьбой, Влас Петрович. Я ходил к нему с просьбой. Хотелось мне тогда думать, что иду я на разговор коллеги с коллегой, а получилось, что на поклон. Здание больницы они заняли полностью. Под госпиталь. Ну, вы это и без меня знаете.

Влас кивнул, задумчиво посмотрел на Григория. Интересно, о чем думал?

— Из персонала там не осталось почти никого. Я врачей имею в виду. Две сестры милосердия и одна санитарка — вот и весь персонал. Война — не война, но люди то болеть не перестали. Я бы даже сказал, наоборот. Когда разруха, голод и антисанитария, чего хорошего ждать? А я, старый дурак, все равно ждал. Просил разрешить мне вести в больнице прием гражданского населения. Понимаете, не все манипуляции можно сделать вот так... в домашних условиях. Бывает, что нужна и перевязочная, и операционная. И медсестра у меня на примете уже имелась. Лидочка,

очень способная девочка. Если бы не война, стала бы замечательным врачом.

Лидочка? Григорий бросил вопросительный взгляд на Власа, тот молча кивнул, мол, да, та самая Лидочка.

— А даст бог, так еще и станет. — Тимофей Иванович тоже посмотрел на Власа. — Как она там, оправилась?

— Оправилась, кажись... — сказал Влас не особо уверенно.

А Григорий точно знал, что не оправилась, и неизвестно еще, когда сумеет оправиться. Потому что кричит по ночам, потому что сны ее душные и страшные. Пыточные сны.

— Хорошо, — старик кивнул. — Вы ей при случае передавайте от меня привет. Скажите, велел кланяться Тимофей Иванович. Хорошая девочка. Да...

— Доктор, вы про больницу говорили, — напомнил Влас. — Про свою просьбу.

— Ну, теперь, надеюсь, понятно, что из этой моей просьбы вышло. Не скажу, что прогнали меня взашей. Штольц меня даже выслушал. Улыбался всю дорогу, кивал, а потом сказал, что ничем не может помочь. Что жизнь одного немецкого солдата в разы важнее жизней всех гражданских, вместе взятых. Но снизошел... — Тимофей Иванович усмехнулся. — Впечатлил его мой немецкий, не иначе. Разрешил вести частную практику, пообещал обеспечить лекарствами и инструментами. Обманул, негодяй. Так ничего мне и не выделили. Сначала перебивался старыми запасами, потом потихоньку начал продавать фамильное серебро. — Он снова усмехнулся. — Вынес из дома все ценное, а теперь вот и спекулянт мой пропал.

— Но в больнице лекарства есть? — спросил Григорий.

— И лекарства, и перевязочный материал. Я в этом абсолютно уверен.

— Раз есть, значит, я вам их доставлю.

— Молодой человек! — Старик снова нацепил очки на нос, посмотрел на Григория сквозь толстые стек-

ла. — Я должен вас предупредить, это опасная затея. Больницу охраняют. Особенно после того, как наша Лидочка... — Он вздохнул и продолжил: — После ареста Лидочки. Она ведь тогда всю вину взяла на себя, про меня даже словечком не обмолвилась. Знаю, что сейчас она в относительной безопасности, но как подумаю, что ей пришлось выдержать, сердце кровью обливается. Пожалела старика.

У Григория тоже сердце обливалось кровью. Потому что ему и думать не нужно, ему было достаточно заглянуть в сны Лидии.

— Она сильная, Тимофей Иванович, — сказал Влас. — И она не вас пожалела. Не корите себя. Она просто четко понимала, что вы нужны нам на свободе.

— Не утешайте, — отмахнулся старик, а потом перешел на другой, деловой тон: — План больницы у меня есть. Сохранился еще с тех времен, как я там работал. На плане отмечу самые основные помещения. Расскажу, как проще и безопаснее попасть внутрь. Составлю список того, что взять нужно будет обязательно, и отдельным списком то, что желательно. Сами понимаете, в дефиците сейчас абсолютно все.

Влас с Григорием слушали, переглядывались и кивали.

Инструктаж закончился так же внезапно, как и начался.

— Вы, наверное, голодные? — спросил Тимофей Иванович и окинул их всех рассеянным взглядом. — Не скажу, что много у меня разносолов, но...

— А мы со своими разносолами! — оборвал его Григорий и глянул на Севу: — Давай-ка, парень, тащи сюда вещмешок!

Ели все за тем же столом, только предусмотрительно сняли с него скатерть, чтобы не испачкать. Ели быстро, молча и... жадно. Особенно старик. Глядя на него, Григорий подумал, что, когда кончилось «фамильное серебро», в ход пошли имеющиеся в доме съестные припасы. Сам он к еде

почти не притронулся, погрыз сухарь для видимости, на том и остановился.

— Совсем решил не жрать? — спросил его Влас, когда они курили на крыльце. — Или тебе теперь без надобности?

— Есть у меня надобность. Не переживай, товарищ командир, — усмехнулся Григорий. — Просто продержаться я могу дольше. Кажется.

— Кажется? — Влас изумленно вскинул кустистые брови.

— Не разобрался еще. Не было времени. — Григорий осмотрелся. Горыныча нигде не было видно, ни одного из трех. — Значит, выхожу, как только стемнеет.

— Выходим, — поправил его Влас. — Ты, конечно, спец по замкам и взломам...

— Не завидуйте, товарищ командир.

— Спец по замкам и взломам, — повторил Влас, — но в городе я ориентируюсь получше твоего. Да и вдвоем унести можно больше.

Скрипнула дверь, на крыльцо вышел Сева, сказал без прелюдий:

— Я с вами!

Влас с Григорием переглянулись. Влас уже было открыл рот, но Григорий его опередил:

— Всеволод, ты не с нами, ты с Митяем и Тимофеем Ивановичем. Если вдруг придется срочно уходить, на тебя вся надежда. Понимаешь? Доктор один не справится, и Митяя я без пригляда бросить не могу. Поэтому в другой раз. Хватит еще и на твою голову приключений.

Он уставился в глаза Севе. Не то чтобы хотел что-то про него узнать, просто само собой получилось. Увидеть успел немного, парень в мгновение ока выстроил между собой и Григорием серую каменную стену. Ишь, какой молодец! Но кое-что Григорий все-таки успел понять. Как только решится вопрос с Митяем, как только его жизни ничего не будет угрожать, Сева ринется в Гремучий ручей. Ринулся бы

прямо сейчас, но чувство долга не пускает. Пока еще долг сильнее любви. Но сколько еще так будет продолжаться?

— Мы добудем лекарства и отправимся на ее поиски. Обещаю, Всеволод.

И Сева не стал спрашивать, кого он имеет в виду, лишь прикрыл глаза и кивнул. А Григорий с горечью подумал, как много долгов у него накопилось, скольким людям он обещал помочь, но до сих пор так и не помог.

Самым тяжелым было дожидаться вечера. Чтобы сократить срок ожидания и набраться сил, Влас завалился спать. Сева тоже прикорнул в старом докторском кресле. Бодрствовать остались только Тимофей Иванович по причине стариковской бессонницы, и Гриня по причине своей упыриной сути. Вот это последнее Влас принял неожиданно легко. Даже не ожидал от себя такой легкости. Или легкомыслия? Потому как, каким бы хорошим человеком ни был Гриня, сейчас он уже не человек. Мало того, он и сам не знает, на что способен и как себя поведет. Вот это настоящая проблема, если разобраться. Но Влас разумно постановил решать проблемы по мере их поступления. Уже засыпая, он услышал, как Тимофей Иванович интересуется у Грини, что у него с лицом. Что ответил Гриня, он так и не услышал, провалился в тяжелый, без сновидений сон.

Разбудил его Гриня, бесцеремонно толкнул в плечо. Кажется, и легонько толкнул, а плечо враз занемело.

— Пора, Влас Петрович, — сказал он, глядя в окошко. За окошком багровел закат. Ох, и не понравился Власу этот багрянец.

Митяй и Сева все еще спали. Митяй выглядел не хуже и не лучше себя прежнего. Видно, ему не так повезло, как папеньке. Приходится сражаться с хворями своими собственными силами. Про причину хвори Влас подумал уже

тогда, когда они с Гриней вышли из дому, спросил прямо, без обиняков:

— А пацан твой не того?

— Не — чего? — уточнил Гриня мрачно.

— Не перекинется, если его... покусали.

— Перекинулся бы, если бы после этих покусов умер, — сказал Гриня после недолгой паузы. — Он бы умер, его бы похоронили, а он бы выкопался. На манер дождевого червя.

— Или на манер тех фрицев, про которых рассказывал Зверобой?

Гриня кивнул.

— Только это был бы уже не он. У упыря от человека остается разве что память. Приходят они к тому, кого помнили и любили при жизни. Память остается, а любви никакой.

— Супруга твоя тоже?.. — догадался Влас.

Гриня снова молча кивнул.

— И тебе пришлось ее...

— Не мне. Я бы не смог. Тетя Оля, ну, та самая, помогла. Женщина она была решительная, сама все сделала. Кстати, ее упырь тоже порвал. Я при ней тогда был в такой же шкуре, как ты сейчас при мне. Рассказала она мне, куда бить, куда целиться, чтобы наверняка. Если придет время. Время пришло... Но все случилось по-другому.

— Как случилось? — спросил Влас.

— Долгая история, я тебе потом как-нибудь расскажу. Давай ты мне, Влас Петрович, пока расскажешь, что тебя так тянет в Гремучий ручей, какой у тебя в этом деле интерес.

— Расскажу, — пообещал Влас. — Будет время, обязательно расскажу, а пока не до того. Двигаем!

Двигались быстро, короткими перебежками, не попадаясь на глаза ни редким горожанам, ни немецким патрулям. Да и что удивительного? Один профессиональный вор, второй профессиональный сыщик. У обоих опыта хоть отбав-

ляй. Притормозили лишь у больницы, чтобы провести рекогносцировку.

Больницу охраняли. Прав был Тимофей Иванович. Охрана стояла на центральном входе, и двое автоматчиков курсировали по периметру. Интересно, куда подевались Гринины собачки?

Гриня словно прочел его мысли.

— Знаешь, чего мне сейчас больше всего хочется, Влас Петрович? — спросил он шепотом.

— Чего?

— Натравить на этих гадов Горыныча. Ты ж в Гремучем ручье был, видел, как он умеет.

Власу и самому хотелось. Велик соблазн, когда у тебя в помощниках такая вот нездешняя силища. Но здравый смысл подсказывал — не нужно поднимать шум, действовать надо тихо и чисто, чтобы комар носа не подточил.

В больницу вошли через подвал. С замком Гриня разобрался в три счета. Власу показалось, что прямо голыми руками, без отмычек. В подвале было темно, пахло сыростью. Влас включил фонарик, в свете его Гриня показался ему настоящим упырем. Вот такую злую шутку сыграло с Власом воображение.

— Выключи, — прошептал Гриня.

— Не видно же ни хрена. — Влас погасил фонарик.

— Мне видно. — В воцарившейся темноте Гринины глаза блеснули красным. Или просто показалось от неожиданности.

— Тебе, может, и видно, а мне как быть? — проворчал Влас. — Если я сейчас на какой-нибудь хлам налечу и устрою тут...

— Нет тут никакого хлама, — оборвал его Гриня. — А если будет, я тебя предупрежу.

Дальше шли молча. Гриня бодро и уверенно, а Влас, считай, на ощупь. Света прибавилось, когда узкая лестни-

ца вывела их к двери. Вот из-под двери свет как раз и пробивался.

— Погоди-ка, — сказал Гриня одними губами, а сам прижался ухом к двери, постоял так секунд двадцать, прислушиваясь, а потом осторожно толкнул дверь.

Они вошли в подсобку, заваленную бытовым хламом, ведрами, швабрами и тряпками. На плане Тимофея Ивановича она так и значилась подсобным помещением. Лунный свет сюда проникал через узкое, забранное решеткой оконце. Влас достал из-за пазухи план, расстелил на старом колченогом табурете, включил фонарик. Гриня, может, и видит в темноте, как кот, но он-то пока еще человек.

Получалось, что для того, чтобы дойти до кабинета с лекарствами, им нужно пересечь почти всю больницу, пройти мимо палат и сестринского поста. Задача выходила не из легких. Даже если предположить, что больные спят в своих палатах, то в коридоре запросто можно повстречать кого-нибудь из персонала. Или охраны, что еще хуже.

— Я пойду один, — сказал Гриня решительно. — Поверь, Влас Петрович, без тебя я справлюсь быстрее и надежнее.

Почему-то Влас в этом ни секунды не сомневался. При нынешней Грининой скорости и ловкости шансы его повышались в разы. Но как же он сам-то может отсиживаться, когда кто-то другой, да еще такой неблагонадежный, будет осуществлять основную операцию?

— Если через четверть часа не вернусь, выбирайся один. — Гриня забросил на плечо вещмешок. — За парня-ми моими и стариком, надеюсь, присмотришь? — спросил очень серьезным тоном.

— Вместе присмотрим, — сказал Влас. — Удачи тебе, Гриня.

— Забыл? Я ж фартовый! — В полумраке подсобки блеснули белоснежные Гринины зубы. — Ну все, я пошел.

Как он пошел, Влас толком и не разглядел. Кажется, только моргнул, а дверь уже бесшумно закрылась. Потянулись долгие минуты ожидания. Несколько раз Влас порывался отправиться на поиски Грини, но здравый смысл всегда побеждал. На исходе отведенной на ожидание четверти часа дверь в подсобку снова бесшумно открылась, выпуская внутрь черную тень. Влас напрягся, вскинул автомат.

— Свои, — сказала тень голосом Грини.

— Ну что? — спросил Влас сдавленным шепотом.

— Ну все, уходим, товарищ командир.

Выходили тем же путем, каким и заходили. Заминка случилась уже у подвальной двери. Идущий впереди Гриня внезапно замер, и налетевшему на него в темноте Власу стоило больших трудов не выругаться. Хорошо, что не выругался, потому что за дверью кто-то был. Влас слышал это даже своим человеческим ухом. Потянуло табачным дымком. Наверное, тот, кто стоял снаружи, специально искал затишное место, чтобы закурить. Появилась надежда, что он скоро уйдет. Сколько той папирсы?

Влас остался стоять на месте, а Гриня бесшумно, будто на кошачьих лапах, подошел к двери, заглянул в щель между досками. Влас скорее почувствовал, чем увидел, как он предупреждающе махнул рукой. Мол, подожди, товарищ командир, скоро выйдем.

Он уже и настроился ждать, когда снаружи послышался мужской голос. Говорили по-немецки, тихо и, кажется, удивленно. Влас крепче сжал рукоять автомата, хоть и понимал, что в нынешних условиях действовать лучше ножом. А потом дверь содрогнулась от удара, послышались странные, какие-то булькающие звуки. Влас сунулся вперед, но напоролся на твердое, как камень, плечо Грини. Дверь больше не содрогалась, а мелко-мелко вибрировала, словно бы снаружи кто-то бился об нее в конвульсиях. Когда вибрация эта затихла, наступила полнейшая тишина. Спросить бы,

что там такое происходит, но вот страшно. Почти как в детстве, когда маленькому Власу казалось, что под кроватью затаилось чудовище. Только он не маленький, а чудовище затаилось не под кроватью, а за вот этой хлипкой дверью, которая медленно-медленно открывается...

Нет, это сначала дверь открывалась медленно, а потом вдруг распахнулась с такой силой, что врезалась в стену. В дверном проеме стоял фриц. Влас понял это по форме. Фриц пошатывался из стороны в сторону, как пьяный. Власу и подумалось сначала, что пьяный. И вот эти булькающие звуки враз получили объяснение. Жаль, что ненадолго. Фриц перестал раскачиваться и ломанулся в подвал. Может быть, Влас и сам бы среагировал. Даже наверняка. Но Гриня его опередил, одной рукой оттолкнул его от двери, а другой схватил за ворот фрица. Он схватил, а фриц зашипел, и как-то сразу стало понятно, что это не человек, что зараза из Гремучей лощины расползается по округе.

Додумать эту мысль до конца Влас не успел. И разглядеть толком тоже ничего не успел. Просто услышал сначала противный хруст, а потом еще более противный чавкающий звук. Наступившая после этого тишина не была абсолютной. В ней кто-то тяжело, с присвистом дышал. Влас не сразу понял, что это он сам так дышит. А когда понял, дышать почти перестал. Зато смотрел во все глаза.

На улице перед дверью лежало растерзанное, истекающее кровью тело часового. Наверное, того самого, который решил перекурить в затишном месте. Перекурил... А у ног Грини лежало второе тело. И Власу не было нужды разглядывать его зубы, чтобы понять, что это упырь.

Гриня наклонился над упырем, без малейшего усилия выдернул у него из груди охотничий нож, глянул на Власа.

— Не получилось по-тихому, Влас Петрович, — сказал шепотом. — Давай-ка, если не брезгуешь, помоги мне второго сюда стащить. Глядишь, хватятся не сразу. Хотя кровищи тут...

Влас молча выбрался из подвала, ухватил часового за ноги. Вдвоем с Гриней они заволокли тело в подвал, закрыли дверь. На то, чтобы хоть как-то замаскировать следы крови, не оставалось времени. Да и что толку? Пропажу часового обнаружат довольно быстро. Поэтому уходить нужно как можно скорее.

Они не уходили, а бежали бегом. Влас доверился Грининой чуйке. Или не чуйке, а слуху и зрению. Еще бы как-то не отставать от этого двужильного.

Сбавили ход уже на самой окраине, остановились в тени разрушенного сарая, чтобы отдышаться. Вернее, это Власу нужно было отдышаться, а у Грини даже дыхание не сбилось. Если у него вообще оно есть — это дыхание.

— Плохо дело, — сказал Гриня, наблюдая за тем, как Влас пытается прийти в себя после пробежки.

— И не говори! Нужно заняться физподготовкой.

— Я не про то. Я про упыря.

— Да, далеко зашел. Как ты его? Мне показалось, голыми руками?

— Не показалось. Сначала башку свернул, а потом уже ножом.

— А если бы только башку?

— Не знаю, не стал рисковать. Не о том сейчас нужно думать, Влас Петрович.

— А о чем? — Наконец-то дыхание восстановилось, и сердце перестало выпрыгивать из груди.

— Я о том, что вот таких... — Гриня помолчал, подбирая правильное определение, но так и не подобрал, махнул рукой. — Вот таких ходячих мертвяков создавать могли только фон Клейст и его чокнутая сестрица. Сестрицу убила тетя Оля. Труп ее я видел собственными глазами. А фон Клейста, предположительно, взорвал твой человек.

— Сева сказал, что видел фон Клейста в Гремучем ручье.

— Видел, — Гриня кивнул. — И я допускаю, что этот кровосос до сих пор жив.

— Тогда что тебя смущает?

— Фон Клейст всегда был очень осторожен и никогда не оставлял следов.

— А кто оставлял? — сердце замерло, а потом снова понеслось вскачь.

— Ирма. Его сестра. Эта считала лошину своими охотничьими угодами, а людей своими живыми игрушками. Но Ирмы нет, а упырей становится все больше и больше. Если их создает не фон Клейст, тогда кто?

— А сами они не могут как-нибудь... плодиться? — спросил Влас растерянно. — Ну, куснул упырь простого человека, выпил кровушку — и все, готов новый упырь.

— Нет, — Гриня покачал головой. — Упырь не может создать себе подобного, потому что не может вовремя обновиться. Упырь не выпивает кровушку, как ты изящно выразился, а рвет свою жертву в клочья. Там вообще другой... механизм.

— Хотелось бы знать какой. — Власу и в самом деле было важно знать. Так сказать, ради будущей борьбы. — Ты уж прости за бестактный вопрос, но каким образом ты стал вот таким? Почему сохранил рассудок и... человечность?

— Мне бы тоже хотелось это знать. — Гриня пожал плечами. — Есть у меня кое-какие догадки.

— Поделись.

— Поделюсь, только давай по дороге. Слышу, ты уже отдышался.

— Слышит он, — проворчал Влас и первый тронулся с места.

Какое-то время шли молча, а потом Влас не выдержал:

— Так что за догадки, Гриня?

— У них, у упырей, имеется какая-то своя иерархия. Ну, как я это разумею, — Гриня говорил, не глядя на Власа. Чувствовалось, что говорить ему о таком неприятно и больно. — Насколько я понимаю, раньше у них вообще не получалось создавать этих... упырей. Просто жрали людей по-

тихому, так и жили. Но в Гремучей лощине все изменилось. Ирма говорила, что это особенное место, очень благоприятное для таких, как они. Я пока не разобрался, в чем тут соль, но голос лощины я стал слышать намного отчетливее.

— Особое место, понятно. С упырями что? — Власу не терпелось, это чувство было сродни зуду. Так сильно ему хотелось знать правду!

— Сначала жертвы просто умирали. Все началось с Клауса фон Клейста. Это старший брат Ирмы и Отто. Старший и сумасшедший. Его привезли в усадьбу в дубовом ящике, как дикого зверя. И так же, как зверя, держали на цепи. Но однажды охранник сплоховал, и Клаус сбежал.

— Зверь из лощины... — начал было Влас.

— Да, это не Горыныч, это он, — закончил за него Гриня. — Клаус фон Клейст. И это он напал на тетю Олю, когда та возвращалась из усадьбы в деревню. Напал, хлебнул ее кровушки, но не растерзал. Вот такая странность. Ты уже странного много навидался, Влас Петрович, поэтому одной больше, одной меньше. Тетя Оля и Танюшка, внучка ее, они особенные. Что-то связывает их род с родом фон Клейстов. Что-то такое было в их крови, что-то одновременно опасное и жизненно необходимое упырям.

— Насколько особенные? — деловито поинтересовался Влас.

— Насколько? — Гриня замедлил шаг, обернулся. Его глаза снова блеснули в темноте красным, но Влас уже не отшатнулся. Кажется, он и в самом деле начал привыкать к странностям. — Горыныча видел?

— Трудно не увидеть.

— Так вот, это тети Оли пес. Она его позвала. Или призвала?

— Откуда призвала?

— Не знаю, но думается мне, с какого-то другого света. Горыныч служит их роду уже много веков, но это долгая

история. Главное, что тебе нужно знать, основное его предназначение — оберегать женщин рода.

— Так ведь некого больше оберегать. Или я чего-то не знаю?

— До недавнего времени я тоже так думал, а теперь вот начинаю сомневаться. Если бы не было кого, так и Горыныча тут уже не было бы.

— Ладно, с этим мы обязательно разберемся, — пообещал Влас и Грине, и самому себе. — Дальше рассказывай.

— Да нечего особо рассказывать. Как Клаус тети-Олиной крови напился, так сначала чуть не сдох, а потом у него в мозгу наступило просветление. А те, на кого он нападал, стали превращаться в упырей.

— В обычных упырей, из тех, которых мы уже видели? — уточнил Влас.

— Да, в обычных. И пока Клаус охотился в лощине, Ирма развлекалась в усадьбе, а Отто предавался научным экспериментам. Каждый из них был одержим одной целью — созданием себе подобных. Вот только неувязочка... созданные ими упыри долго не жили. Если это вообще можно назвать жизнью. Митяй мой — он ведь тоже из подопытных кроликов фон Клейста. Представляешь, что пацану довелось пережить?

Влас не представлял, но вот понимать Митяя начал чуть лучше. И Митяя, и Гриню.

— В чем суть экспериментов была, не знаешь? — спросил он.

— Могу догадываться. Видел, как старуха заставила одну из своих... игрушек выпить ее крови. Девочка та долго не прожила.

— Какая девочка?.. — Влас схватил Гриню за рукав, потянул, заставляя остановиться. — Про кого ты сейчас говоришь?!

— Про девочку из прислуги, такую же, как Соня наша. Знаешь, как они действовали, товарищ командир? Набира-

ли молодняк из городских. Ну, вроде как на службу в усадьбу, а потом потихонечку этим молодняком кормились. Фон Клейсту нравились пацаны, а Ирма предпочитала девочек. — Гриня вдруг замолчал, устало потер глаза. — Девочки эти у меня до сих пор перед глазами стоят. Самых первых старуха просто выпивала до донца, выпивала, а тела прятала в водонапорной башне. В отопительном котле. Наверное, ты не видел.

Влас видел. И башню видел, и в котел заглядывал. Не было там никаких мертвых девочек.

— Зимой же холодно. И в башне тоже холодно. Понимаешь? Девочки эти мертвые на первом уровне в котле, а Митяй мой под крышей на цепи. — В голосе Грини послышалась боль пополам с яростью. — А потом она решила тоже эксперименты ставить, как ее братец. Вот ту последнюю девочку она как раз и напоила собственной кровью. Они же послушные становятся, связь у них какая-то образуется с упырем. Вот и у Митяя моего до сих пор эта связь...

— Как девочку зва...

Договорить Влас не успел, Гриня дернул его за плечо, впечатал в стену и зажал рот рукой так, что ни вздохнуть, ни пикнуть. Вырваться Влас не стал, понял, что к чему. Мимо метрах в десяти прошел немецкий патруль.

Гриня ослабил хватку, лишь когда фрицы скрылись за поворотом, сказал виновато:

— Извини, инстинкты...

Влас кивнул, а потом задал свой самый главный вопрос:

— Как звали девочку, Гриня?

Прежде чем ответить, Гриня на него посмотрел. Вроде бы только в глаза заглянул, а показалось, что в самую душу. Еще и раскаленной кочергой в этой душе пошуровал. А с чего бы еще она так разболелась?

— Ее звали Настей, Влас Петрович, — сказал Гриня почему-то виноватым голосом.

Влас судорожно вздохнул, спрятал лицо в ладонях. Была надежда, что это «не та» Настя, но правду он уже знал. Ту правду, из-за которой перекапывал в овраге братскую могилу, из-за которой, как одержимый, рвался в Гремучий ручей.

— Родственница твоя? — слышался над ухом голос Грини.

— Племянница, — сказал он, не открывая глаза. — Единственная. В подпольщицы записалась. Хотела, как я, но знала, что не позволю, поэтому без моего ведома, против моей воли. Я от Ефима узнал, уже за сутки до операции.

— Потому и пошел сам, вместо связного?

— Да. Я матери ее, сестре своей покойной, обещал, что буду за Настеной приглядывать.

— Я тоже много кому обещал, — вздохнул Гриня. — Веришь, до сих пор толком ни одного обещания не сдержал...

— Что с ней стало? — спросил Влас и открыл глаза.

— А сдюжишь, Влас Петрович? — Гриня снова заглянул ему в лицо и удовлетворенно кивнул. — Мне кажется, Ирма сначала ею просто... кормилась.

Влас со свистом втянул в себя воздух. Пусть бы Гриня остановился, пусть бы замолчал! Потому что он не сдюжит, не сможет дослушать все до конца. Но Гриня решил иначе.

— А потом она напоила Настю своей кровью, и девочка стала... ну, ты видел, какими они становятся, Влас Петрович.

— Она еще... жива? — спросил он шепотом. Курить захотелось невыносимо. Где эти чертовы папиросы? — Я не нашел ее тело там... в овраге.

— Ее больше нет, Влас. По-настоящему нет.

— Убили? — И не понять, стало ему легче или еще большее от осознания того, что Настены больше нет, что она не одна из этих тварей.

— Убили.

— А... кто?

Ответил Гриня не сразу, а когда ответил, Власу подумалось, что правды ему никогда не узнать. Оберегать убий-

цу Настены Гриня будет всеми силами. И есть в этом свой резон.

— Я не знаю, Влас. Да и тебе лучше не знать, поверь. Убила ее Ирма фон Клейст. А второй раз... это уже была не она.

Умом Влас все это понимал. Умом понимал, а сердце не принимало, обливало кровью, криком кричало.

— Где она? — только и хватило сил спросить.

— Я их похоронил. И тех девочек из башни, и Настю. Не мог я их там бросить, Влас. Понимаешь? Когда Горыныч разобрался с гарнизоном, я сделал все... Я по-человечески все сделал. Могилку я тебе потом покажу. Если захочешь.

— Я захочу. — Влас вытер сухие, воспаленные глаза. — И спасибо тебе, Григорий.

— За что? — Гриня вздохнул.

— За человечность. — Влас протянул ему руку.

Рукопожатие его оказалось крепким и теплым, в самом деле почти человеческим. В этот миг подумалось вдруг, что человечности в упыре Грине куда больше, чем в иных людях. Вот такие дела...

Сева проспал. Ну как маленький, честное слово! Проснулся на закате с тяжелой со сна головой, осмотрелся. Тимофей Иванович дремал, прикорнув у стола и положив голову на скрещенные руки. Митяй лежал на диване. Дяди Гриши с Власом Петровичем нигде не было видно. Значит, ушли добывать лекарства.

Первым делом Сева подошел к Митяю, положил ладонь ему на лоб. Лоб был горячий, но, кажется, не такой горячий, как раньше. Однако дышал Митяй тяжело, со свистом. Наверное, из-за воспаления легких.

На цыпочках, стараясь никого не потревожить, Сева вышел во двор, огляделся в поисках Горыныча. Горыныч не по-

казался. Может, ушел с дядей Гришей, а может, просто не захотел. И только лохматая собачонка молча выбралась из своей будки, глянула на Севу черными пуговицами глаз и тут же спряталась обратно. Сева тоже уже собрался возвращаться, когда услышал сиплый крик Митяя.

Перед мечущимся на диване Митяем уже склонился Тимофей Иванович. Вид он имел вполне себе бодрый, словно и не спал всего пару секунд назад. У Митяя вид тоже был... бодрый. Он метался, кричал и бился в конвульсиях.

— Ну-ка, молодой человек, помогите мне! — скомандовал доктор. — Держите его за плечи. Боюсь, моих сил не хватит.

Сил Севы тоже едва хватало, чтобы удержать на месте Митяя. Но он держал, прижимал друга к дивану, заглядывал в смертельно бледное лицо. Заглядывал, а когда Митяй открыл глаза, все равно испугался, чуть не отшатнулся от неожиданности.

Взгляд у Митяя был пустой и бессмысленный, кажется, он бредил и видел какие-то бредовые сны.

— Больно, — прохрипел Митяй.

— Знаю, что больно. Ты потерпи, скоро полегчает, — сказал Сева и погладил Митяя по голове.

— Мне нужно проснуться, — снова прохрипел Митяй и заметался. — Выпустите! Выпустите меня отсюда!!!

— Тимофей Иванович, что с ним? — Теперь уже и Сева хрипел. Наверное, от волнения.

— Разберемся. — Доктор ловко набирал в шприц какое-то лекарство. — Вы, главное, держите его, молодой человек!

Держать с каждой секундой становилось все тяжелее, пришлось навалиться на Митяя всем весом, придавить к дивану коленом и думать, как это опасно, не придушить бы ненароком.

— Мне нужно проснуться! — уже не хрипел, а кричал Митяй. — Я больше так не могу! Отпустите!!!

— Держите, молодой человек! — отозвался доктор. — Держите, я сейчас! Пару секунд.

— Митяй, не кричи! Сейчас все сделаем, все поправим. Хочешь проснуться — просыпайся! Все будет хорошо...

Сева держал и уговаривал. То ли друга, то ли себя самого. А Митяй вдруг перестал метаться, и взгляд его сделался осмысленным, но все равно пронзительно нездешним.

— Сева?.. — спросил вдруг Митяй шепотом. — Сева, это ты?..

Что-то кольнуло в груди, в том месте, где сердце, что-то отозвалось на это беспомощное «Сева, это ты?..». А потом Митяй снова заметался, закричал:

— Сева, где ты?! Разбудите меня! Пожалуйста, разбудите!!!

— Таня?.. — неожиданно для себя произнес Сева. И оторопел.

Откуда это пришло? Где родилась эта странная и одновременно невероятная уверенность, что невидящими глазами Митяя на него смотрит Танюшка?

— Таня! — крикнул Сева. — Танюшка! Где ты?!

Она хотела ему ответить. Кажется, хотела. Но не успела. Подкравшийся из-за спины Севы доктор вонзил в бедро Митяя шприц. Вонзил и забубнил успокаивающе:

— Вот так, вот так... Держите его, молодой человек... сейчас все закончится...

Оно и закончилось. Закрылись незрячие глаза Митяя. Закрылся канал. И тонкая нить, связывавшая Севу с Танюшкой, оборвалась с пронзительным звоном. Захотелось орать и расшвыривать мебель. Захотелось ударить этого проворного старика, который все-все испортил, который не позволил ей договорить...

Сева не ударил, просто, когда Митяй затих, молча вышел на крыльцо, уселся на ступеньки, сжал виски руками. Завыть бы тихо, по-собачьи, вот как Горыныч...

Горыныч выступил из темноты. Трехглавый красноглазый пес смотрел на Севу и утробно рычал. Или выл?

— Ты ее тоже слышал? — спросил Сева у Горыныча. — Ты ее слышал и пришел на ее зов?

Горыныч вздохнул всеми тремя своими головами. Во вздохе этом Севе послышалось облегчение.

— Значит, слышал. Значит, мне не почудилось.

Горыныч лег у его ног.

— Она спит. Понимаешь? Она где-то одновременно тут и не тут. Не может вырваться из этого своего... сна. Поэтому ты ее потерял, да? Ты просто не чувствовал ее в этом мире, да?

Горыныч качнул одной из своих голов, тихонько заворчал.

— А только что у нее получилось пробиться, да? Не проснуться окончательно, но нащупать дорожку в этот мир, да? Через Митяя нащупать.

На мгновение Севе стало обидно, что она пришла к Митяю, а не к нему самому. У него ведь были такие яркие, такие реалистичные сны, в которых он строил замок специально для нее, для Танюшки. У Ольги Владимировны получилось войти в его сон, а Танюшка не захотела. Или не смогла?

Коленям вдруг стало нестерпимо холодно. Это Горыныч положил на них одну из своих голов, положил, заглянул Севе в глаза. Строго так посмотрел, совсем не по-собачьи.

— А сейчас ты ее чувствуешь? — спросил Сева, проводя ладонью по колючей, пахнущей дымом шерсти. — Ты можешь ее отыскать?

Горыныч зажмурился и на мгновение полностью слился с темнотой, а когда в темноте этой вспыхнули три пары красных огней, Сева уже и сам все знал.

— Она в Гремучем ручье.

Это было очевидным. Это был единственно верный ответ.

Горыныч снова вздохнул, убрал голову с его коленей, отступил в темноту и снова с темнотой этой слился.

— Ты куда? — позвал Сева, но темнота больше не отозвалась. Горыныч исчез.

А во двор вышел Тимофей Иванович, устало облокотился на покосившиеся перила, спросил:

— С кем вы разговаривали, молодой человек?

— Ни с кем. — Сева встал. Неудобно сидеть, когда пожилой человек остается стоять. — Вам показалось, Тимофей Иванович.

— Показалось? — В голосе доктора послышалась усмешка. — У меня проблемы со зрением, но не со слухом. Но будем считать, что показалось.

— Как Митяй?

— Держится жар, но это ожидаемо. Препарат еще не подействовал. Я уколол ему вторую дозу. Надеюсь, господа подпольщики добудут лекарства.

— Какие они вам господа... — буркнул Сева себе под нос, но Тимофей Иванович все равно услышал.

— Благородные господа. Вот в этом контексте нужно рассматривать мое заявление, молодой человек.

Он обошел Севу, тяжелым стариковским шагом спустился по ступеням, с кряхтением присел на корточки перед будкой, позвал:

— Жучка? Ну где ты, моя хорошая?

Собачонка высунулась из будки, глянула на хозяина, заскулила.

— Да что с тобой такое? — спросил Тимофей Иванович. — Заболела ты, что ли?

Он погладил собачонку по голове, потрогал нос.

— Мокрый. Не заболела. А чего тогда тихая такая, а?

Сева знал, почему тихая. Из-за Горыныча. Но зачем доктору такие подробности? Он вздохнул и вернулся в дом.

Митяй спал, раскинувшись на диване. Что это был за сон, кто был в этом сне, Сева мог только догадываться. За-

хотелось схватить Митяя за тощие плечи, затрясти изо всех сил, вызвать ту, что пряталась на дне Митяевых зрачков. Он уже и руку протянул, но тут же отдернул. Митяй ни при чем. Митяй и сам сейчас болтается между небом и землей. Зачем его тревожить?

А вот самому Севе подумать было о чем. По всему выходило, что вместе с фон Клейстом выжила и Танюшка. И держит он ее именно в Гремучем ручье. Потому там и охрана на воротах. Но что с ней?! Почему подать о себе весточку она может только вот так, через Митяя?! И почему именно через Митяя? Что их связывает?

Ответ был очевиден. Митяя и Танюшку связывает только один человек. Нет, не человек! Их связывает упырь! Сначала Отто фон Клейст ставил опыты над Митяем, а теперь ставит их над Танюшкой. Вот такая там связь! Та самая, упыриная, которая как невидимая удавка захлестывается у тебя на шее и тянет, тянет.

От осознания всего ужаса происходящего заломило в висках. Захотелось тут же броситься на поиски Танюшки. Сева бы и бросился, если бы не данное дяде Грише обещание. Если они с Власом Петровичем до рассвета не вернутся, заботы о Митяе и старом докторе лягут на Севины плечи.

Потянулись долгие часы ожидания. Оставаться в доме было невмоготу, и Сева то и дело выходил на крыльцо, вдыхал пропитанный весенней сыростью воздух, всматривался в темноту.

Дядя Гриша с Власом Петровичем Головиным появились, когда заря еще не занялась, но звезды на небе уже потухли. Самый темный час, самый страшный. Наверное, Сева все-таки задремал, сидя на крыльце, потому что, когда кто-то легонько тронул его за плечо, едва не вскрикнул.

— Свои, — сказал дядя Гриша и тут же спросил: — Ну как вы тут?

— Митяй спит. — Сева встал, потер словно песком засыпанные глаза. — А вы? Получилось?

— Получилось. — Дядя Гриша ободряюще похлопал его по плечу, прошел в дом.

Следом на крыльцо поднялся Влас Петрович. Вид у него был странный, какой-то пришибленный. На Севу он даже не взглянул, оперся на перила, закурил. Оставаться рядом с ним было неловко, словно бы Сева напрашивался на разговор. А он не напрашивался, у него и собственных проблем хватало. И обсуждать эти проблемы он станет не с командиром, а с дядей Гришей. Так уж вышло, что только дяде Грише он может доверить эту страшную тайну. Поэтому Сева ничего не сказал Головину, а молча вернулся в дом.

Добыча оказалась богатой. Это если судить по тому, с каким восторгом Тимофей Иванович рассматривал принесенное.

— Прекрасно... великолепно... — бубнил он себе под нос, перебирая многочисленные пузырьки и пакетики. — Отличная работа, господа! Просто великолепная!

Дядя Гриша никак не реагировал на его восторги, он стоял на коленях перед лежащим на диване Митяем, гладил того по белым волосам. Сначала гладил, а потом просто положил одну руку на лоб, а вторую на грудь, закрыл глаза, будто сосредоточиваясь на чем-то, понятном только ему одному.

— Как он? — Сева встал за сего спиной.

— Жар спал. — Дядя Гриша обернулся. — И дыхание ровнее.

— Взял бы вас себе в помощники, любезный, — отозвался Тимофей Иванович. — Вы поразительно точно для обывателя оценили состояние пациента. Да, ваш сын стабилизировался. И с добытыми вами препаратами у меня появилась надежда на благополучный исход. Думаю, ему даже не понадобится повторное переливание крови.

— Это хорошо. Спасибо, доктор! — Дядя Гриша встал с коленей, посмотрел на Севу, сказал шепотом: — Выйдем, Всеволод. Разговор есть.

Они тихонько протиснулись мимо увлеченно перебирающего лекарства доктора, вышли во двор, где закуривал очередную папиросу Влас Петрович.

— Что? — спросил Сева нетерпеливо. — Вы что-то видели?

— Видели, — дядя Гриша кивнул. — Еще одного упыря прямо в городе.

— Я не понимаю...

Сева и в самом деле не понимал, откуда взялось столько упырей. Ему думалось, что всех созданных старой ведьмой они убили еще неделю назад, а потом столкнулись на поляне с бывшими односельчанами Митяя: мужиками, бабами, детьми... Откуда они взялись? Кому потребовалось их создавать?

— Фон Клейст? — выдвинул он единственное логичное предположение.

— Зачем ему? — Дядя Гриша пожал плечами. — Он упырь, но не дурак. В первую очередь он должен думать о своей безопасности. А какая тут безопасность, когда по Гремучей лощине шастает столько нежити?! Пойдут слухи, разговоры. Опять же, одно дело — гражданское население, и совсем другое — немецкие солдаты.

— Думали они о своих, когда половину гарнизона в овраге прикопали, — хмыкнул Влас Петрович. — Нет у этих тварей ничего святого.

— Святого точно нет, но чувство самосохранения быть должно. Особенно у фон Клейста. Этот выродок очень осторожен. Я своими собственными ушами слышал, как он с сестрицей ругался из-за этих... — дядя Гриша замялся, быстро глянул на Власа Петровича, — из-за этих девочек. Из-за того, что она с ними творила, почти не таясь. Нет, это не его рук дело.

— Рук... — снова хмыкнул Влас Петрович.

А ведь и в самом деле, его изменила эта ночная вылазка, произошел в нем какой-то надлом. Из-за упыря? Так он их уже видел. Непонятно.

— Если не фон Клейст и не эта его гадина... — слово «гадина» он процедил сквозь стиснутые зубы с особой какой-то ненавистью. — Тогда должен быть кто-то еще. Этот их третий чокнутый брат, к примеру.

— Он мертв. — Дядя Гриша покачал головой.

— Ты лично видел его мертвым? — спросил Влас Петрович зло.

— Мне тетя Оля сказала. Фон Клейст убил его после того, как меня... — дядя Гриша осекся, так и не договорив.

— А если она ошиблась? Если недоглядела? — продолжал гнуть свое Влас Петрович.

— Не могла она не доглядеть, — сказал дядя Гриша твердо. — Я уверен.

— Ты, Гриня, может, и уверен, а вот у меня есть сомнения. Понимаешь, работа у меня была такая — подвергать все сомнению и искать причастных к совершенному преступлению. Так вот я тебе сейчас как следователь говорю: есть кто-то еще, какой-то третий кровосос. И если это не фон Клейст и не та... сука, значит, остается только тот, с кого вся эта свистопляска началась. Как, говоришь, погиб Клаус фон Клейст?

— Порубили его, — сказал дядя Гриша, но как-то не слишком уверенно.

— Порубили. — Влас Петрович кивнул. — А где? Хотя бы приблизительно место преступления указать сможешь?

— Да я и точно могу. Наверное. Тетя Оля сказала, что пряталась в овраге, когда они сцепились. А оврагов там всего несколько. Ты что надумал, Влас Петрович? — спросил дядя Гриша и сощурился.

Севе вдруг показалось, что в темноте его глаза подсветились красным, не так, как у Горыныча, но похоже. Нет, показалось. Наверное, в них просто отразился огонек папирсы.

— Я надумал изучить место преступления и убедиться, что подозреваемый издох, как ты мне тут и толкуешь.